

ЮРИЙ КОВАЛЬ

ВОРОБЬИНОЕ ОЗЕРО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МАЛЫШ»
1991

**ЮРИЙ
КОВАЛЬ —**

автор
увлекательных,
не похожих одна
на другую книг:
«Недопёсок»,
«Приключения
Васи Куролесова»,
«Пять похищенных
монахов»,
«Самая лёгкая
лодка в мире»
и многих других.
Произведения
Ю. Коваля
переведены на
языки наших
союзных
республик и
зарубежных
стран,
часто звучат
по радио,
по ним снимаются
кинофильмы.
Книги
Ю. Коваля —
любимое чтение
многих тысяч
маленьких
и взрослых
читателей.

**ГАЛИНА
МАКАВЕЕВА —**

известный
художник,
иллюстратор
более шестидесяти
детских книг.
Книги Ю. Коваля,
В. Берестова,
Р. Погодина,
Н. Матвеевой,
И. Токмаковой
с иллюстрациями
Г. Макавеевой
отмечены
дипломами
Всероссийских и
Всесоюзных
конкурсов,
В течение
десяти лет
Г. Макавеева
была
главным
художником
популярного
детского журнала
«Мурзилка». Работы
Г. Макавеевой
выставлялись
более чем
в 25 странах.

Для младшего
школьного
возраста

**Юрий
Иосифович
Коваль**

**ВОРОБЬИНОЕ
ОЗЕРО**

**Художник
Г. Макавеева**

Редактор
Г. Гладкова.
Художественный редактор
М. Салтыков.
Технический редактор
М. Матюшина.
Корректор
Н. Пьянкова.

ИБ № 2701
Сдано в набор 27.11.89.
Подписано в печать 10.12.90.
60 X 907. Бум. офс. № 1.
Гарнитура обычн.-новая. Печать офсет.
Усл. печ. л. 10,0. Усл. кр.-отт. 43,0.
Уч.-изд. л. 9,61.
Тираж 100 000 экз. Изд. № 1712.
Заказ № 150. Цена 4 руб. 20 коп.
Издательство «Малыш».
121352. Москва.
Давыдовская ул., д. 5.
Тверской ордена Трудового Красного
Знамени полиграфкомбинат детской
литературы им. 50-летия СССР
Министерства печати и массовой
информации РСФСР. 170040, Тверь,
проспект 50-летия Октября, 46.

К 4803010201-068
М102(03)-91 без бъявл.-91

ISBN 5-213-00708-2

© Коваль Юрий Иосифович,
1991 г.

© Макавеева Галина Александровна.
Иллюстрации. 1991 г.

ЮРИЙ КОВАЛЬ
**ВОРОБЬИНОЕ
ОЗЕРО**

РИСУНКИ
Г. МАКАВЕЕВОЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«МАЛЫШ»
МОСКВА
1991

ВОРОБЬИНОЕ ОЗЕРО

Давным-давно слыхивал я рассказы про Воробьиное озеро.

Говорили, что там ловятся огромные лещи, которые не влезают в таз, окуни, которые не влезают в ведро, чудовищные щуки, которые вообще ни во что не влезают.

Удивительно было, что щуки да окуни такие огромные, а озеро — Воробьиное.

— Ты уж сходи на Воробьиное-то озеро. Найдёшь его там, в лесах.

Я искал и добрался однажды до Воробьиного озера. Не слишком большое, но и не маленькое, лежало оно среди еловых лесов, а прямо посередине рассекали его воды три острова. Острова эти были похожи на узконосые корабли, которые плывут друг за другом, а парусами у кораблей — берёзы.

Не было никакой лодки, и я не смог добраться до островов, стал ловить рыбу.

Повидал и щуку, и чёрного окуня, и золотого леща. Правда, все они были не слишком велики, уместились в одном ведре, ещё и место осталось.

На это самое место положил я луковицу, начистил картошки, кинул перцу-горошку, долил воды и подвесил ведро над костром.

Пока закипала уха, я смотрел на острова-корабли, на их берёзовые паруса.

Иволги летали над зелёными парусами, которые бились под ветром и трепетали, а не могли сдвинуть с места свои корабли. И мне понравилось, что есть на свете такие корабли, которые нельзя сдвинуть с места.

ХРЮКАЛКА

Поздним весенним вечером, когда солнце спрячется за верхушки деревьев, неведомо откуда появляется над лесом странная длинноклювая птица. Летит низко над прозрачным ольшаником и внимательно оглядывает все просеки и поляны, будто ищет чего-то.

— Хорх... хорх... — доносится сверху хриплый голос — Хорх...

Раньше в деревнях говорили, что это не птица вовсе, а вроде бы чертёнок летает над лесом, разыскивает свои рожки, которые потерял.

Но это, конечно, не чертёнок. Это летает над лесом вальдшнеп, ищет себе невесту.

У вальдшнепа вечерние глаза — большие и тёмные. За хриплый голос вальдшнепа иногда называют «хрюкалка», а за длинный клюв — «слонка».

В одной деревне, слышал я, зовут его ласково «валишень». Такое название мне нравится больше всего.

ДИК И ЧЕРНИКА

С нами в избушке живёт пёс, которого звать Дик. Он любит смотреть, как я курю. Сядет напротив и глядит, как изо рта у меня дым валит.

Дик — добрый пёс, но обжора. Набить живот рыбьей требухой и закопать голову под ёлку, чтоб не кусали комары, — вот чего ему надо!

Раз на болоте я нашёл черничную поляну. Никак не мог оторваться от черники, собирал и ел пригоршню за пригоршней.

Дик забегал то с одного боку, то с другого, заглядывал мне в рот, не понимая, что это я ем.

— Да черника это, Дик! — объяснял я. — Смотри, как её много.

Я набрал пригоршню, протянул ему. Он мигом убрал ягоды с ладони.

— Теперь сам валяй, — сказал я.

Но Дик не понимал, откуда берутся ягоды, бегал вокруг, толкал в бок носом, чтоб я не забывал про него.

Тогда я решил немного поучить Дика уму-разуму. Стыдно рассказать, но я встал на четвереньки, подмигнул ему и стал есть ягоды прямо с куста. Дик подпрыгнул от восхищения, раскрыл пасть — и только кустики затрещали.

Через два дня Дик собрал чернику вокруг избушки, и я радовался, что не научил его любить смородину и морошку.

ЗВЁЗДНЫЙ ЯЗЬ

Ранней весной пошли мы с Витей на рыбалку, на Мост.

Не так уж далеко от нас Мост, а всё-таки шесть километров. Шли, шли, месили болотную да лесную весеннюю грязь, устали. На Мост пришли — сразу костёр положили, чай стали кипятить. Витя говорит:

— Не знаю, как ты, а я всю жизнь мечтаю большого язя поймать.

— Какого большого? Каких размеров?

— Не меньше сапога.

— Какого сапога? Обычного или бродня?

— Бродня.

— Ну, это ты, парень, слишком. Язь величиной с болотный бродень! Таких не бывает. Давай уж будем ловить язя с обычный, привычный кирзовый сапог.

Договорились мы и связали на язя секретную донку. В чём секрет этой донки, рассказать не могу — Витя не велит.

И вот насадили мы на большой крючок с десяток червей и метнули всё это в воду.

А язь не берёт. Мелкая сорожонка червей теребит. Колокольчик на донке звякает.

— Замучила сорожонка, — Витя говорит, — одолела.

Сорожонка — это мелкая плотва. У нас на Севере плотву сорогой зовут.

К вечеру худо-бедно наловили мы сорожонки, а язь-то никак не берёт.

И вот настала ночь.

Над Цыпиной горой под звёздами потянули на север гуси и журавли, зацвиркали-зазоркали вальдшнепы, и тут взял язь.

Страшно натянулась леска, задрожал Витя, ухватил леску двумя руками, потянул к берегу.

А вдали, в темноте у камышей, заплескался вышедший на поверхность язь. Серебряные блики посыпались по воде от ударов его хвоста и звёздные полетели брызги.

И вот Витя подвёл язя к берегу и почти уж вытащил его, как вдруг язь дёрнул. Витя поскользнулся и упал в воду рядом с язем.

И вот они оба барахтаются в чёрной воде, и от них обоих летят звёздные брызги. И я понял, что язь сейчас уйдёт, если я чего-нибудь не придумаю.

И я придумал. Я тоже упал в воду с другой стороны язя. И вот мы уже вдвоём лежим в воде и между нами язь.

А над нами, между прочим, сияют и стоят все ночные созвездия, все главные весенние звёзды, и особенно ясно, я вижу, стоят над нами Лев и Близнецы. И вот уже мне кажется, что это мы с Витей близнецы, а между нами — лев. Всё как-то спуталось в моей голове.

И всё-таки мы вытащили язя, выволокли его на берег, и он оказался очень большим. По сапогу мерить было некогда — ночь, а в ведро он никак не влезал.

Поставили мы его в ведро вниз головой и по болотной да лесной весенней грязи побежали домой, на Цыпину гору. Язь бил в ведре хвостом, и в каждой чешуинке его играли главные весенние созвездия — Лев и Близнецы.

Мы надеялись, что язь не заснёт до утра, но он заснул.

Я очень огорчился, что заснул звёздный язь и не осталось на земле его следа. Взял доску, положил на неё язя и точно по контуру обвёл карандашом. И потом долго сидел — вырезал звёздного язя. Пускай хоть на моей доске останется его след.

А того язя, что вы видите на рисунке, мы поймали в другой раз. Это не язь, а язёнок. Но он тоже почему-то звёздный. Не знаю уж почему. Мы поймали его утром, когда звёзды скрылись под солнечной пеленой... Наверно, всякий язь — звёздный...

ЧАГА

Над речкой, над омутом, в котором прячется от коршуна диковинная северная рыба хариус, стоит берёза.

Ствол у берёзы кривой, он то сгибается к речке, то оттягивает его от воды тайга, и на самом крутом его колене лопнула кора.

На этом месте много лет вырастал чёрный берёзовый гриб — чага.

Я срубил чагу топором.

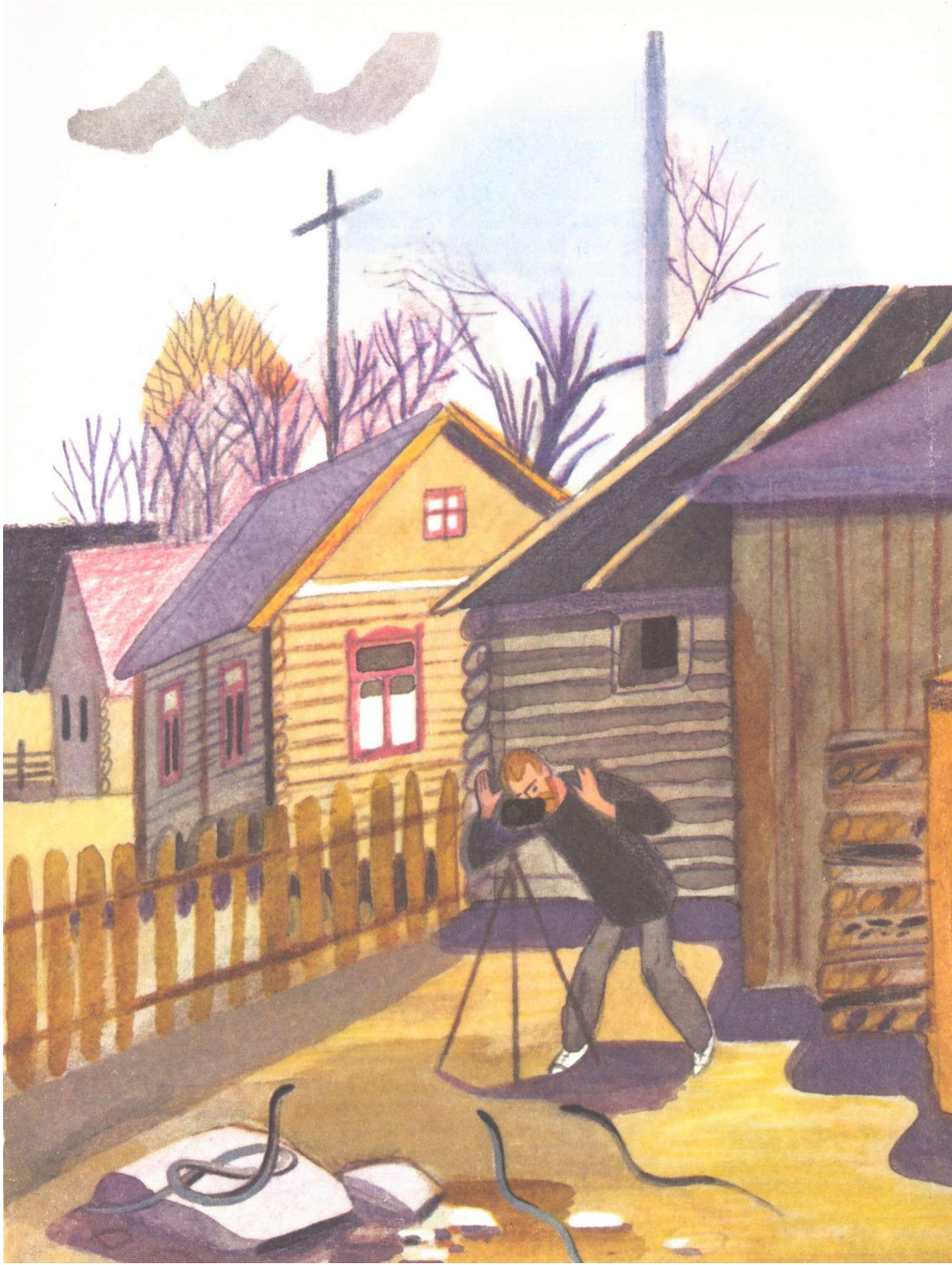
Огромная, с бычьей голову, она еле залезла в рюкзак.

Несколько дней сушил я чагу на солнце, а когда гриб высох, накрошил ножом чёрно-оранжевой сердцевины, положил в котелок, заварил крутым кипятком.

Чай кончился, и я пил чагу. Она горьковата, как чай, пахнет пригорелым грибом и далёким весенним берёзовым соком.

Цвет у неё густой, кофейный, цвет омута, в котором прячется от коршуна и от наших глаз северная рыба хариус.

СОСЕДСТВО

Тому, кто боится змей, этот рассказ читать не надо.
А мне вообще-то не надо его писать.

Я змей не боюсь, но опасаюсь самым серьёзным образом. В тех местах, где много гадюк, всегда хожу в резиновых сапогах и нарочно сильно топаю, чтоб змеи знали — я иду.

«Опять этот тип топает, — думают, наверно, гадюки. — Того гляди, наступит. Надо уходить».

За нашим домом в камнях живёт семейство гадюк. В тёплые солнечные дни они выползают погреться на камушках. Много лет живём мы рядом, и пока что — тьфу, тьфу, тьфу — не было случая, чтоб мы поссорились.

Как-то раз Витя задумал сфотографировать змею. Установил в камнях треногу, стал подкарауливать.

Скоро выползла гадюка, и Витя защёлкал. Я пошёл поглядеть, как он снимает.

Свернувшись, гадюка лежала в камнях, лениво поглядывая на фотографа, а сзади него, у самых пяток, лежала вторая. Эту вторую Витя не замечал и каждую секунду мог на неё наступить. Я хотел уж крикнуть, как вдруг увидел и третью, подползающую к треноге сбоку.

— Ты окружён, — сказал я фотографу. — Кончай съёмку.

— Сейчас, сделаю ещё дублик. Вот выйдет солнце из-за тучки.

Солнце вышло, наконец, из-за тучки, Витя сделал дублик и осторожно, лавируя между гадюками, вынес свою треногу.

— Тьфу, тьфу, тьфу, — сказал я, — обошлось.

А был ещё с гадюками такой случай.

У нас в деревне есть старый дом, сильно заброшенный. Хозяин этого дома приезжает редко, всю зиму стоит дом пустой.

И вот однажды весной приехали в этот дом две девушки-художницы. Они хотели пожить в деревне, порисовать.

Зашли они в дом и первым делом решили печку затопить.

Открыли печную дверцу, а оттуда вдруг выползли две здоровенные гадюки.

Вот уж крику-то было!

ТУЗИК

В деревне Василёво все собаки — Тузики, все коровы — Зорьки, а уж всё тётушки — тёти Мани.

Заходишь в деревню, а тебя встречает первый Тузик — Тузик встречающий. Он весёлый, добрый. Трётся о твою ногу ласково, дескать — заходи, заходи. Дашь ему какую-нибудь корочку, и он так подпрыгивает от радости, будто ты ему целый торт отвалил.

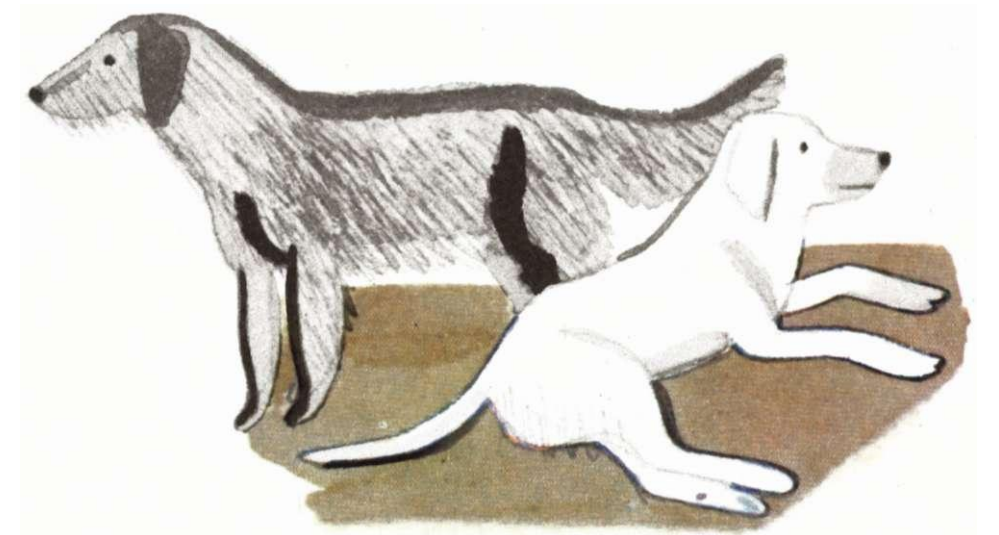
Идёшь по деревне, а из-за заборов новые Тузики глядят, насчёт корочки размышляют, а Зорьки в сараях мычат, а тёти Мани все на лавочках сидят, сирень нюхают.

Подойдёшь к какой-нибудь тёте Мане, скажешь:

— Тётя Маня, налила бы молочка, что ли!

Пройдёшь через всю деревню — там молочка попьёшь, там редиску попробуешь, сирени наломаешь. А за околицу тебя последний Тузик провожает. И долго смотрит тебе вслед и громко прощально лает, чтоб не забывал ты деревню Василёво.

А вот в деревне Плутково все собаки — Дозорки, все коровы — Дочки, а уж все тётушки — всё равно тёти Мани. Там ещё мой друг сердечный Лёва Лебедев живёт.

МОРОШКА

Под ногами мох — мягкий мохнатый мех.

Солнечные ягоды, оранжевые и жёлтые, рассыпались по моховой поляне. Морошка.

Жёлтые — спелые, оранжевые — вот-вот созреют.

Ягода морошки немного похожа на белую малину. Кажется, это маленькие малинки растут среди мха.

Но морошка не такая сладкая и душистая, как малина.

А всё-таки морошку на малину я не променяю. Северный, таёжный у неё вкус, и сравнить его не с чем — разве со вкусом росы.

Морошка вобрала в себя всю свежесть сырого леса, всю сладость мохового болота — и свежести оказалось много, а сладости чуть-чуть.

Но кому сколько надо — одни пьют чай вприкуску, другие внакладку.

Когда устанешь под мешком после долгого пути, когда в горле у тебя пересохло — морошка кажется мёдом. Моховым и прохладным болотным мёдом.

ФАРФОРОВЫЕ КОЛОКОЛЬЧИКИ

Кому какой, а уж мне больше всего фарфоровый нравится колокольчик.

Он растёт в глубине леса, в тени, и цвет у него странный — малосолнечный. Не водянистый, но — прозрачный, фарфоровый. Цветы его невесомы, и трогать их нельзя. Только смотреть и слушать.

Фарфоровые колокольчики звенят, но шум леса всегда их заглушает.

Ёлки гудят, скрипят сосновые иголки, трепещет осиновая листва — где уж тут услышать лёгкий звон фарфорового колокольчика?

Но всё-таки я ложусь на траву и слушаю. И долго лежу, и уходит в сторону еловый гул и трепет осины — и далёкий, скромный слышится колокольчик.

Возможно, это не так, возможно, я всё это придумываю, и не звенят в наших лесах фарфоровые колокольчики. А вы послушайте. Мне кажется — звенят!

ПАНТЕЛЕЕВЫ ЛЕПЁШКИ

Прошлую ночь ночевали мы у деда Пантелея.

Давно, лет пятьдесят назад, срубил он в тайге дом и живёт в нём один.

Добрались мы до Пантелея поздно ночью. Он обрадовался гостям, поставил самовар.

Долго мы сидели за столом, разговаривали, пели песни.

Пантелей больше молчал и всё вглядывался, какие они, городские-то люди. Чудными казались ему наши разговоры и песни, привезённые из города.

Одна песня понравилась ему: «На улице дождь, дождь...»

Утром мы встали пораньше, затемно, а дед уже поднялся. Я заглянул к нему за перегородку. Там на столе горела свеча, и при свете её дедушка Пантелей месил тесто. Видно, собрался печь хлеб.

Взошло солнце. Мы стали собираться в дорогу и на прощанье решили сфотографировать Пантелея.

— Вы, дедушка, снимите шапку — чего в шапке фотографироваться?

— Зачем её снимать? Она ведь голову греет.

— Ну ладно, тогда возьмите в руки сеть, будто вы её чините.

Шапку Пантелей снимать не стал, а сеть взял в руки, покачивая головой и улыбаясь затеям городского человека.

Потом он сходил в дом и вынес что-то завернутое в тряпицу. Свёрток был горячий. Я развернул его и увидел тонкие лепёшки из ржаной муки.

— Возьми, — сказал Пантелей, — на дорогу.

Когда мы перевалили гору Чувал и остановились передохнуть, я достал из мешка Пантелеевы лепёшки. Они высохли и крошились.

Мы стали есть их, размачивая в ручье.

Ни соли, ни сладости не было в Пантелеевых лепёшках. Они были пресными, как вода.

Я удивлялся: что за странные лепёшки, почему в них нет вкуса?

Потом понял, что вкус есть, только уж очень простой. Такие лепёшки может, наверно, испечь только одинокий старик, живущий в тайге.

ЧИБИС

Над сырым заливным полем, в том месте, где особенно много весенних луж, весь день с криком летают чибисы.

Они яростно машут широкими крыльями, ныряют в воздухе вправо, влево, кувыркаются. Кажется, что сильный ветер мешает им лететь.

Но нет в поле ветра. Светит солнце, отражается в гладких сверкающих лужах.

У чибиса необыкновенный полёт, игривый. Чибис играет, плещется в воздухе, как плещутся ребята в реке.

Когда чибис садится на землю, сразу и не поверишь, что это та самая птица, которая только что кувыркалась над лужами, валяла дурака. Сидящий чибис строг и красив, и совсем неожиданным кажется легкомысленный хохолок у него на голове.

Раз я видел, как чибисы гоняли пустельгу.

Пустельга неосторожно приблизилась к их гнезду и попала в переплёт. Один чибис всё время кувыркался перед её носом и мешал лететь, а второй налетал сверху и лупил по чему придётся.

Прогнавши хищника, чибисы опустились на землю и пошли пешком по лужам, помахивая своими гордыми хохолками.

З И М Н Я К

Пастух Володя подстрелил птицу и принёс её мне.
— Вот, — сказал он, — погляди, чего я подстрелил.
Птица была живая. Дробь перебила ей крыло.
Седая с золотыми глазами птица злобно глядела на меня, клала клювом и шипела.

— Нечего на меня шипеть, — сказал я. — Не я тебя подстрелил, а вот этот болван. Зачем ты её подбил-то? — спросил я Володю. — Взбесился, что ли?

— Она летит, я и думаю: дай вдарю.

— Тебе бы вдарить. В глаз.

Пастух Володя обиделся. Прищурил глаз, которым целился, отошёл в угол избы и на корточки присел.

Седая птица с золотыми злыми глазами сидела на столе. Как только я приближался, она шипела и стучала клювом, лапы и когти её были острые, страшные.

Она была крупная, величиной с ястреба-тетеревятника, на груди и на хвосте у неё чёрные крапины, но общее впечатление получалось серебряное, седое, зимнее.

— Что это за птица-то? — бубнил в углу Володя. — Как хоть её звать?

— Бутео лагопус, — ответил я. — Да ты всё равно не запомнишь.

— Чего... бутя? — Володя окончательно забился в угол и прищурил теперь и другой глаз, которым не целился.

— Иди помоги, — сказал я. — Попробуем вправить крыло.

Я надел толстые кожаные перчатки и, пока Володя удерживал птицу, как мог вправил крыло.

Это было тяжелейшее дело. Бутео лагопус клал, трещал и клевался, раздирал когтями и перчатки, и куртку.

На место перелома уложил я две дощечки-шины, положил на них тугую повязку, так, чтоб не сорвал её с крыла яростный Бутео лагопус.

Потом мы вынесли птицу на улицу, усадили на забор.

С ненавистью смотрел на нас Бутео лагопус. Бесстрашными и сильными были его глаза.

— Что ты на меня так смотришь? — приговаривал я. — Это он тебя подбил, я-то при чём?

Но раненый Бутео лагопус не видел между нами — Володей и мной — никакой разницы.

«Бутео лагопус» — это латинские слова. А по-русски птица эта называется очень просто — зимняк.

В наших краях он появляется очень редко, перед самой суровой зимой.

ТРИ СОЙКИ

Когда в лесу кричит сойка, мне кажется, что огромная еловая шишка трётся о сосновую кору. Но зачем шишке об кору тереться? Разве по глупости?

А сойка кричит для красоты. Она думает, что это она поёт. Вот ведь какое птичье заблуждение! А на вид сойка хороша — головка палевая с хохолком, на крыльях — зеркала голубые, а уж голос, как у граблей, — скрип да хрип.

Вот раз на рябине собрались три сойки и давай орать. Орали, орали, драли горло — надоели. Выскочил я из дому — сразу разлетелись. Подошёл к рябине — ничего под рябиной не видно, и на ветках всё в порядке, непонятно, чего они кричали. Правда, рябина ещё не совсем созрела, не красная, не багряная, а ведь пора — сентябрь.

Ушёл я в дом, а сойки опять на рябину слетелись, орут, грабли дерут. Вслушался я и подумал, что они со смыслом трещат.

Одна кричит:

— Дозреет! Дозреет!

Другая:

— Догреет! Догреет!

А третья кричит:

— Тринтрябрь!

Первую я сразу понял. Это она про рябину кричала, мол, рябина ещё дозреет, вторая — что солнце рябину догреет, а третью не мог понять.

Потом сообразил, что сойкин «тринтрябрь» — это наш сентябрь. Для её-то голоса сентябрь слишком нежное слово.

Между прочим, сойку я эту заприметил. Слушал её и в октябре, и в ноябре, и всё она кричала: «Тринтрябрь!»

Вот ведь дурында, вся-то наша осень для неё — тринтрябрь.

РАЗ, ДВА, ЛОШАДЬ, ЧЕТЫРЕ

В поле стояло четыре стога.

Всякий раз, проходя мимо, я с удовольствием смотрел на них. Мне нравилось, как движутся они от дороги к лесу, и я всегда про себя их пересчитывал: раз, два, три, четыре...

Однажды шёл я по дороге и, как обычно, принялся считать: раз, два, три, четыре...

Где же третий стог? На счёте «три» стояла лошадь. Она явно дожёвывала остатки третьего стога.

«Неужели целый стог сжевала? — думал я. — Да нет, наверно, стог увезли, а лошадь случайно попала на это место».

Прошёл месяц, и снова я оказался неподалёку, и счёт получился такой: чибис, два, заяц, четыре.

Не было уже первого стога, и на месте его прохаживался чибис, а между вторым и четвёртым поднял я зайца.

А ещё через месяц никакого уже не получилось счёта. Не было видно в поле ни чибиса, ни зайца, только один четвёртый стог стоял, занесённый снегом. Так и простоял он до самой весны.

БЕЛОЕ И ЖЁЛТОЕ

Самые главные бабочки — это, конечно, лимонницы. Они и появляются раньше всех.

В оврагах ещё снег, а уж над тёплой поляной кружат лимонницы. Их жёлтые крылья спорят со старым снегом и смеются над ним. А из земли — белые и жёлтые — торопятся первые цветы — ветреница, мать-и-мачеха.

Белое и жёлтое показывает нам вначале весна, а уж потом всё остальное — и подснежники, и медуницу, и шоколадницу.

Но с белым и жёлтым весна никак не может расстаться. То вспыхнут калужницы и купавы, то зацветёт черёмуха.

Белое и жёлтое проходит через всю весну, а уж в середине лета сходятся белое и жёлтое в одном цветке ромашки.

ВИСЯЧИЙ МОСТИК

Неподалёку от деревни Лужки есть висячий мостик. Он висит над речкой Истрой, и, когда идёшь по нему, мостик качается, замирает сердце и думаешь — вот улетишь!

А Истра внизу беспокойно течёт и вроде подталкивает: хочешь лететь — лети! Сойдёшь потом на берег, и ноги, как каменные, неохотно идут; недовольны, что вместо полёта опять им в землю тыкаться.

Вот приехал я раз в деревню Лужки и сразу пошёл на мостик.

А тут ветер поднялся. Заскрипел висячий мостик, закачался. Закружилась у меня голова, и захотелось подпрыгнуть, и я вдруг подпрыгнул и — показалось — взлетел.

Далёкие я увидел поля, великие леса за полянами, и речка Истра разрезала леса и поля излучинами-полумесяцами, чертила по земле быстрые узоры. Захотелось по узорам полететь к великим лесам, но тут послышалось:

— Эй!

По мостику шёл какой-то старик с палкой в руке.

— Ты чего тут прыгаешь?

— Летаю.

— Тоже мне жаворонок! Толстоносый! Совсем наш мостик расшатали, того гляди, оборвётся. Иди, иди, на берег прыгай!

И он погрозился палкой.

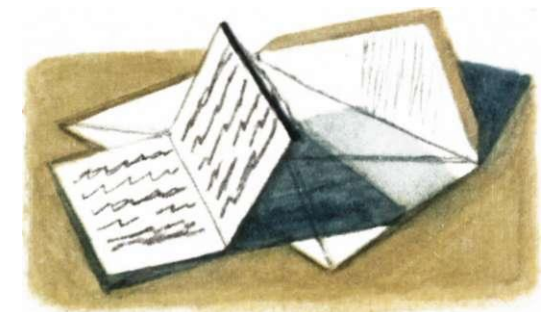
Сошёл я с мостика на берег.

«Ладно, — думаю, — не всё мне прыгать да летать. Надо и приземляться иногда».

В тот день я долго гулял по берегу Истры и вспоминал зачем-то своих друзей. Вспомнил и Лёву, и Наташу, вспомнил маму и брата Борю, а ещё вспомнил Орехьевну.

Приехал домой, на столе — письмо. Орехьевна мне пишет:

«Я бы к тебе прилетела на крылышках. Да нет крыльев у меня».

МЕДВЕДИЦА-КАЯ

Ползёт по влажной песчаной тропе Медведица-кая.

Утром, ещё до дождя, здесь проходили лоси — сохатый о пяти отростках на рогах да лосиха с лосёнком. Потом пересек тропу одинокий и чёрный вепрь. И сейчас ещё слышно, как он ворочается в овраге в сухих тростниках.

Не слушает вепря Медведица и не думает о лосях, которые прошли утром. Она ползёт медленно и только ёжится, если падает на неё с неба запоздалая капля дождя.

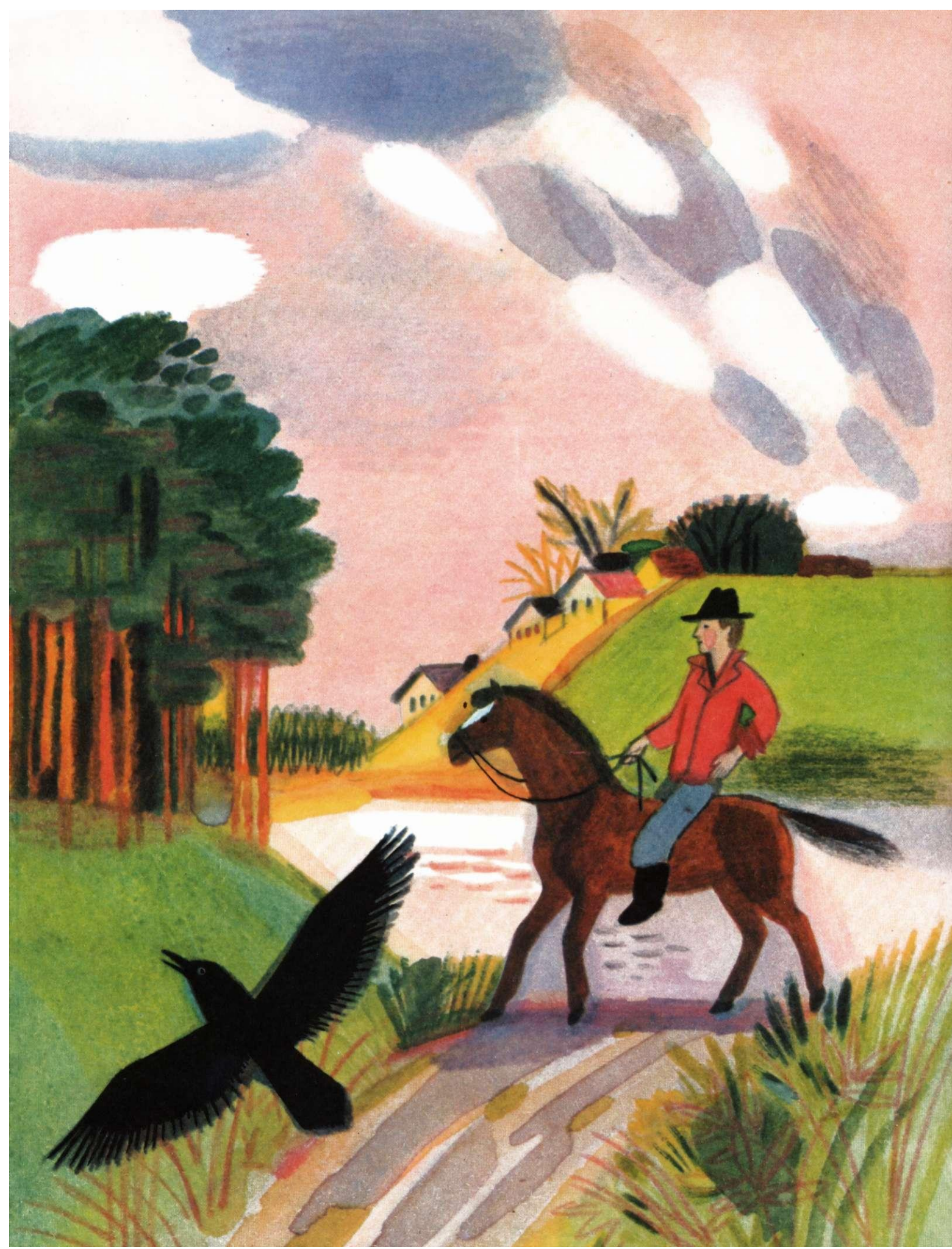
Медведица-кая и не смотрит в небо. Потом, когда станет бабочкой, ещё насмотрится, налетается. А сейчас ей надо ползти.

Тихо в лесу.

Сладкий запах таволги вместе с туманом стелется над болотом.

По влажной песчаной тропе ползёт Медведица-кая.

ГРАЧ

Грач потонул в траве.

Упал с дерева в траву, да и потонул в ней, даже немного захлебнулся.

Напугался грач. Сидит в траве. Глаза вытарашил, а ничего, кроме травы, не видит. Долго так он сидел, а потом высунул из травы голову — ого! Лес вокруг. Деревья мохнатые да косматые, колючие да дремучие.

Тут грач взял да и снова в траву спрятался.

Сидел-сидел, снова выглянул. Лес на месте стоит, на грача глядит. И грач снова спрятался.

Так и пошло у них. Грач высунет голову — лес стоит; спрячется, а лес глядит, а трава-то вокруг шуршит, маленькие травинки пищат, а сухие — трещат.

Пошёл грач через траву пешком, клювом стебли раздвигает, а сам-то дрожит от страха.

Вдруг трава кончилась, и грач увидел поле, а в поле-то два бычка на грача мычат. И оба — белолобые! Вот ужас-то какой — белолобые! Оба! И грач назад в траву попятился.

И тут задрожала земля! Топот раздался, грохот!

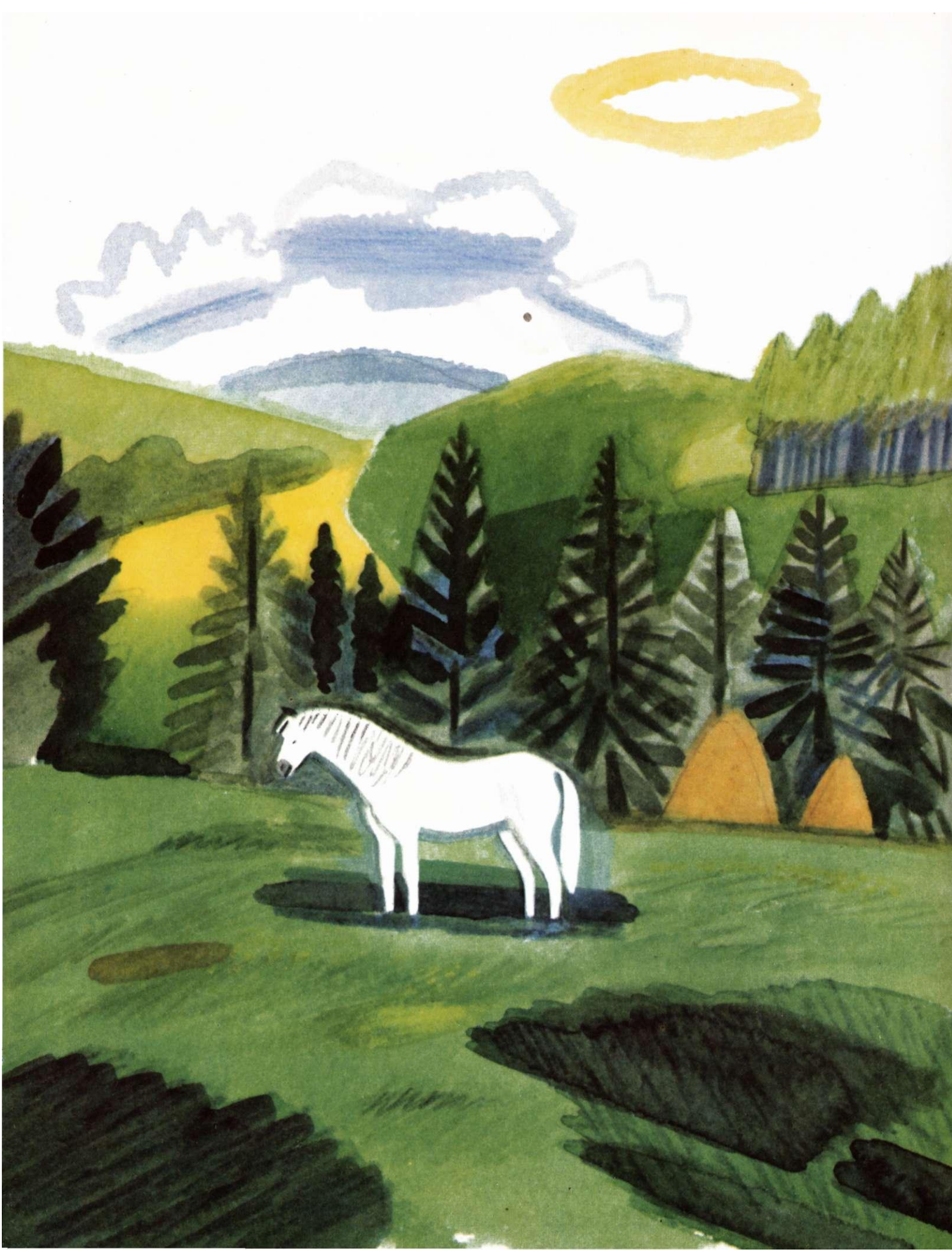
Дядька по дороге на кобыле скачет! Дядька! В шляпе!

Мало того, что на кобылу залез, а ещё и шляпу напялил!

Хлопнул грач от страха крыльями — и полетел!

Первый раз в жизни полетел.

ЛОШАДКА ЗАДУМАЛАСЬ

Лошадка задумалась.

Стоит на лугу и думает. И траву не жуёт, на бабочек не глядит, даже мух хвостом не гоняет — думает.

— Лошадка-то задумалась, — сказал возчик дядя Агафон. — Да и есть о чём задуматься. Жизнь — штука сложная.

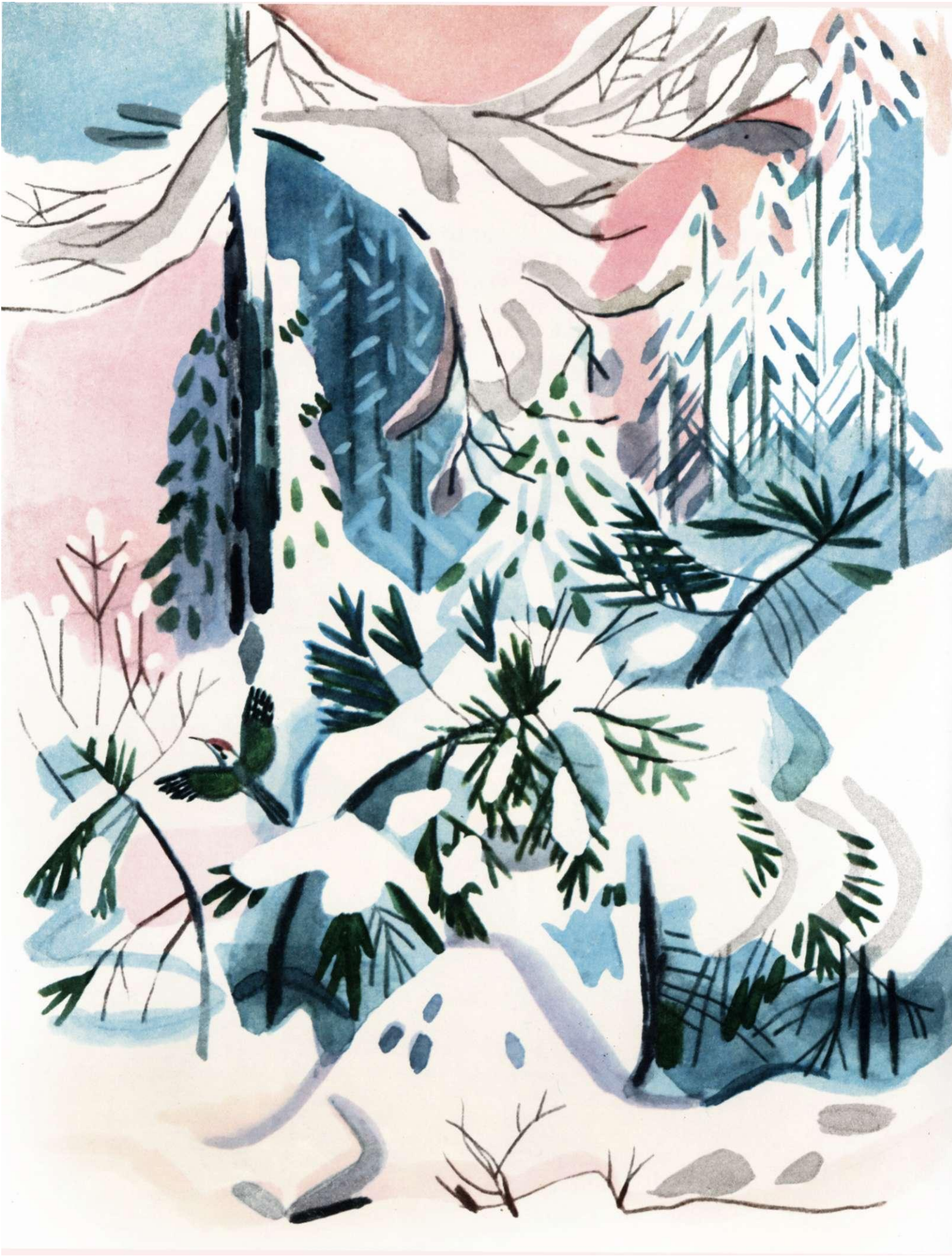
— Не знаю уж, о чём ей думать? — Колька сказал, механизатор. — Вот у меня забот — задумаешься! В тракторе много лошадиных сил, а запчастей не хватает!

— Думай, милая, — сказала Орехьевна. — Тебе надо думать. Вас, лошадей, немного на свете осталось.

И лошадка думала. Глаза у неё были влажные, серьёзные.

Долго так стояла она, а потом махнула хвостом и поскакала в поле. За бабочками гоняться.

МУРАВЬИНЫЙ ЦАРЬ

Иногда бывает — загрустишь чего-то, запечалишься. Сидишь вялый и скучный — ничего не видишь, идёшь по лесу и, как глухой, — ничего не слышишь.

И вот однажды — а дело было раннею зимой — вялый и скучный, грустный и печальный, шёл я по лесу.

«Всё плохо, — думал я. — Жизнь моя никуда не годится. Прямо и не знаю, что делать?»

— Клей! — услышал вдруг я.

— Чего ещё клеить?

— Клей! Клей! — кричал кто-то за ёлками.

Вдруг я заметил под ёлкою снежный холмик.

Я сразу понял, что это муравейник под снегом, но в муравейнике зияли отчего-то чёрные дыры. Кто-то нарыл в нём нор!

Я подошёл поближе, наклонился, и тут из норы высунулся серый длинный нос, чёрные усики и красная шапка и снова раздался крик:

— Клей! Клей! Клей!

И, размахивая зелёными крыльями, вылетел из муравейника наружу Муравьиный царь.

От неожиданности я отпрянул, а царь Муравьиный полетел низом между деревьями и кричал:

— Клей! Клей! Клей!

«Тьфу ты пропасть! — думал я, вытирая пот со лба. — Клей, говорит. А чего клеить-то? Чего к чему приклеивать? Ну и жизнь».

Между тем Муравьиный царь отлетел недалеко, опустился на землю.

Тут был другой муравейник, в котором тоже чернели норы. Царь нырнул в нору и пропал в глубине муравейника.

Тут только я понял, кто такой Муравьиный царь. Это был Зелёный Дятел.

Не всякий видывал зелёного дятла, не в каждом лесу живут они. Но в том лесу, где много муравейников, обязательно встретишь зелёного дятла.

Муравьи — любимое блюдо зелёных дятлов. Зелёные дятлы очень любят муравьёв. А муравьи зелёных дятлов не любят, просто терпеть не могут.

«А мне-то как быть? — думал я. — Я люблю и тех и других. Как быть? Как в этом во всём разобраться?»

Я пошёл потихоньку домой, и вдогонку мне кричал Муравьиный царь:

— Клей! Клей! Клей!

— Ладно, ладно, — бормотал я в ответ. — Буду клеить! Буду! Короче — постараюсь.

НОЧЬЮ

— Да вставай же ты, проснись!

Я проснулся.

— Выходи на улицу.

Я подумал: что-то случилось. Схватил со стены ружьё, сунул ноги в мокрые со вчерашнего дня сапоги и выскочил из избушки.

— Смотри, смотри, ты должен это увидеть.

Николай стоял под навесом у порога. Была промозглая и тихая глубокая ночь. Легчайший мелкий дождик шелестел в лиственныхниках.

— Видишь?

Я не видел и не понимал, куда надо смотреть.

— Не вижу, — сказал я.

— Прямо под ногами.

Я глянул под ноги и увидел слабые светящиеся звёздочки на земле. Так, бывает, светятся звёзды небесные через облачную пелену.

— Это гнилушки, — сказал Николай. — Видишь, они светятся...

От порога до костра тянулась светящаяся тропинка. Днём жгли мы гнилое бревно и, пока тащили его к костру, насыпали на землю трухи.

— Это гнилушки, — говорил Николай. — Они светятся. Ты должен это увидеть, поэтому я тебя и разбудил.

Мы стояли рядом и смотрели на землю, по которой был рассыпан спокойный и тихий, очень простой свет.

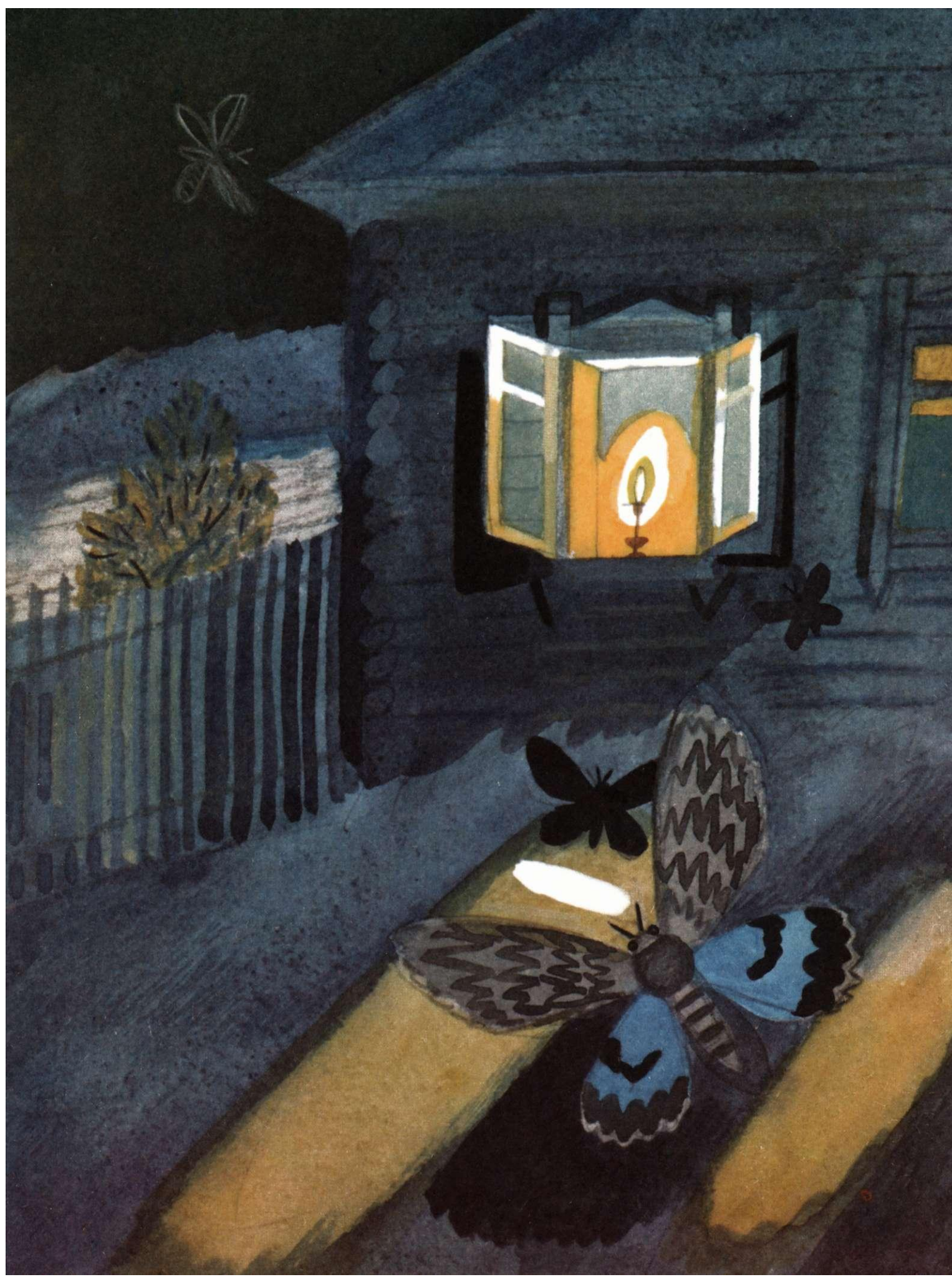
Скоро мы продрогли, собрали самые крупные светляки, унесли в избушку.

Я стал раскладывать гнилушки на полу. Выложил созвездие Большой Медведицы.

— Правильно я сделал, что разбудил тебя? — волновался Николай.

В избушке они светились точно так же, как на улице. Они не освещали ничего, не грели, но хотелось смотреть и смотреть на них.

ОРДЕНСКИЕ ЛЕНТЫ

Орденские Ленты живут в берёзовых лесах. А я и не знал.

Но вот пошёл в березняк за подберёзовиками, и вдруг — стаями, стаями — стали взлетать передо мной Орденские Ленты.

Хотел было гоняться за ними, да не стал. Глупо это как-то, за Орденскими Лентами гоняться.

Орденские Ленты — ночные бабочки. Днём они прячутся в берёзах, а уж ночью свободно летают по всей земле.

Однажды ночью пришла к избушке Орденская Лента. Я увидел её через окно.

Открыл форточку и поставил свечку на подоконник, чтоб поближе её подманить. И она подманилась.

Плавными кругами, колеблясь и вздрагивая, подлетела она к избушке. Села на подоконник.

Она глядела на свечу, а я думал, что лучшего ордена на свете не может быть. Для моей избушки.

ОЗЕРО КИЁВО

Белым-белы, говорят, были воды озера Киёво.

Даже и в безветренные дни шевелились и двигались они, и вдруг — белою волной — взмывали в небо.

Чайки-чайки — тысячи чаек — жили на озере Киёво. Отсюда разлетались по ближайшим рекам. Летели на Москву-реку, на Клязьму, на Язу. Все чайки, которых мы видели в Москве, выводились на озере Киёво.

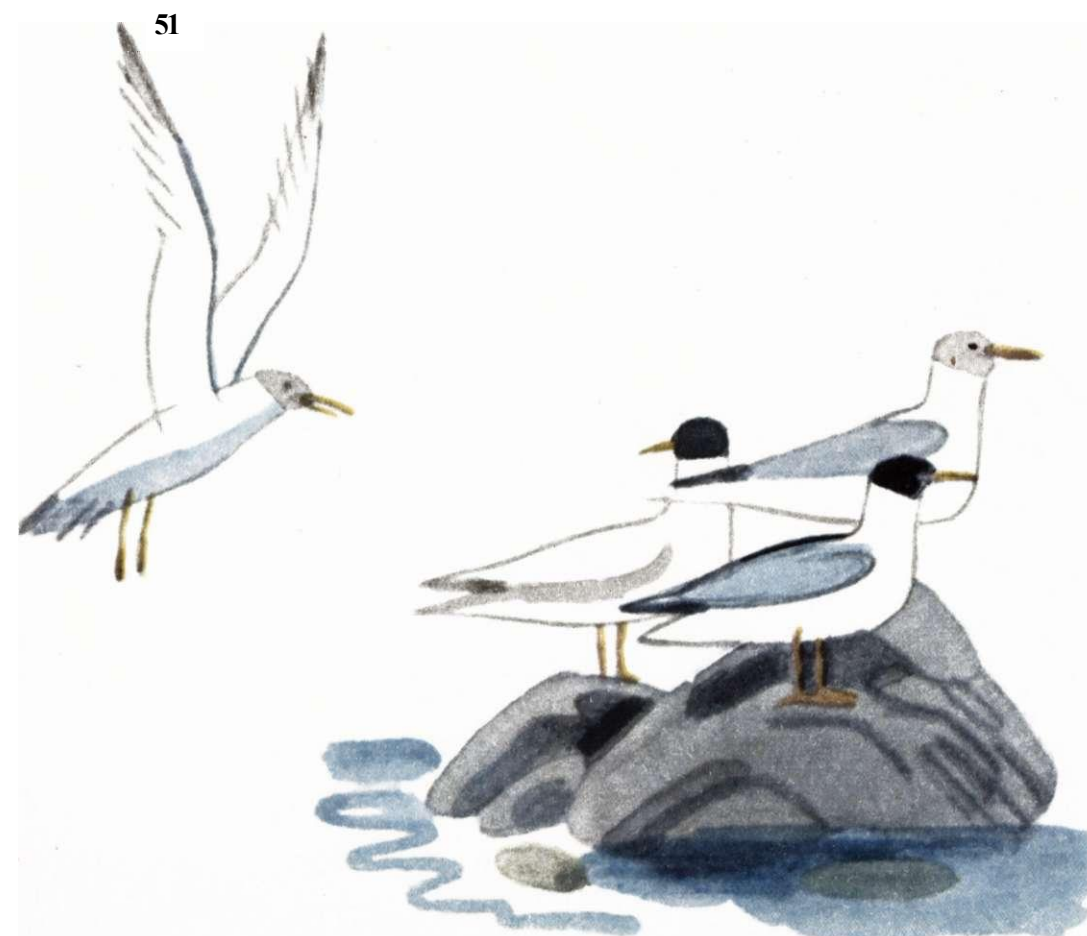
Вначале озеро было далеко от Москвы. Но потом оно делалось всё ближе, ближе. Озеро-то не двигалось, но рос огромный город и его огромный пригород. Дома и домишки стеснили озеро, наступили на его берега. Ржавые железки и погнутые трубы объявились на берегах.

Ссохлось озеро Киёво. Морщины островов и заливов раскололи водное зеркало. Многие чайки ушли жить на вольные места.

«Киёво» — это, конечно, необыкновенное слово. Слово ещё осталось.

Остались на озере и чайки.

С последними чайками остались и мы.

ЗАЯЧИЙ БУКЕТ

Зайцы вообще-то не собирают букетов. Зачем зайцу букет? Все полевые цветы над ушами у русаков, все лесные за хвостами у беляков. Да и сам-то заячий хвост называется «пых» или «цветок». Так говорят про заячий хвост старые охотники, а они своё слово знают.

Но вот объявился, глядите, заяц, который собрал букет. Всякого в букет понатыкал: и клевер, и жабник здесь, и кашка, и ромашка.

Вот ходит с букетом и не знает, кому его подарить. Зачем лисе или волку заячий букет? Им не до цветов.

Медведь цветы любит, но не в букетах. Ему бы малины куст.

А барсуку? Только поздней ночью выбирается он из норы, и если ему на лесной тропе вручить, простите, букет, он может и по шее накостылять.

Не знаю, как и быть с заячьим букетом. Он собран и должен быть кому-то вручён.

Ладно, отдадим барсуку и поглядим, что будет.

СНЕГИРИ И КОТЫ

Поздней осенью с первой порошей пришли к нам из северных лесов снегири.

Пухлые и румяные, уселись они на яблонях, как будто вместо упавших яблок.

А наши коты уж тут как тут. Тоже залезли на яблони и устроились на нижних ветвях. Дескать, присаживайтесь к нам, снегири, мы тоже вроде яблоки.

Снегири хоть целый год и не видели котов, а соображают. Всё-таки у котов хвост, а у яблок — хвостик.

До чего ж хороши снегири, а особенно — снегурки! Не такая у них огненная грудь, как у хозяина-снегиря, зато нежная — палевая.

Улетают снегири, улетают снегурки.

А коты остаются на яблоне.

Лежат на ветках и виляют своими яблочными будто хвостами.

СЕРАЯ НОЧЬ

Стало смеркаться.

Над тайгой, над сумрачными скалами, над речкой с плещущим названием Вёлс взошёл узенький лисий месяц.

К сумеркам поспела уха.

Разыскавши в рюкзаках ложки, мы устроились вокруг ведра, выловили куски хариуса и отложили в отдельный котелок, чтобы хариус остывал, пока будем есть уху.

— Ну, Козьма да Демьян, садитесь с нами!

Длинной можжевёловой ложкой я пошарил в глубине ведра — рука по локоть ушла в пар. Выловил со дна картошки и рыбьих потрохов — печёнки, икры, — потом зачерпнул прозрачной юшки с зелёной пеной.

— Ну, Козьма да Демьян, садитесь с нами! — повторил Лёша, запуская свою ложку в ведро.

— Садитесь с нами, садитесь с нами, Козьма да Демьян! — подтвердили мы.

Но в наших городских голосах не было уверенности, что сядут за уху Козьма да Демьян, а Лёша сказал так, будто они его слышат.

Костёр мы разложили на низком берегу Вёлса. Наш берег весь завален грязными льдинами. Они остались от половодья — не успели потаять. Вот льдина, похожая на огромное ухо, а вот — на гриб груздь.

— Кто же это такие — Козьма да Демьян? — спросил Пётр Иваныч, который в первый раз попал в уральскую тайгу.

Уху Пётр Иваныч ест осторожно и почтительно. Голова его окутана паром, в очках горят маленькие костры.

— Это меня старые рыбаки научили, — ответил Лёша. — Будто есть такие Козьма да Демьян. Они помогают хариуса поймать. Козьму да Демьяна на уху звать надо, чтоб не обиделись.

По часам уже полночь, а небо не потемнело, осталось ясным, сумеречным, и месяц добавил в него холода и света.

— Это, наверно, белая ночь, — задумчиво сказал Пётр Иваныч.

— Белые ночи начнутся позже, — ответил Лёша. — Они должны быть светлее. Для этой ночи названья нет.

— Может быть, серебряная?

— Какая там серебряная! Серая ночь.

Подстелив на землю лапника, мы разложили спальные мешки, прилегли. Я уткнулся головой в подножие ёлки. Нижние ветки её засохли, на них вырос лишай и свисает к костру, как пакля, как мочало, как белая борода.

Неподалёку, за спиной у меня, что-то зашуршало.

— Серая ночь, — задумчиво повторил Пётр Иванович.

— Серая она, белая или серебристая, всё равно спать пора. Что-то снова зашуршало за спиной.

Уха так разморила, что лень повернуться, посмотреть, что это шумит. Я вижу месяц, который висит над тайгой, — молодой тоненький, пронзительный.

— Бурундук! — вдруг сказал Лёша.

Я оглянулся и сразу увидел, что из-за ёлки на нас смотрят два внимательных ночных глаза.

Бурундук высунул только голову, и глаза его казались очень тёмными и крупными, как ягода гонобобель.

Посмотрев на нас немного, он спрятался. Видно, на него напал ужас: кто это такие сидят у костра?!

Но вот снова высунулась глазастая головка. Легонько свистнув, зверёк выскочил из-за ёлки, пробежал по земле и спрятался за рюкзаком.

— Это не бурундук, — сказал Лёша, — нет на спине полосок.

Зверёк вспрыгнул на рюкзак, запустил лапу в брезентовый карман. Там была верёвка. Зацепив когтем, он потянул её.

— Пошёл! — не выдержал я.

Подпрыгнув к ёлке, он вцепился в ствол и, обрывая когтями кусочки коры, убежал вверх по стволу, в густые ветки.

— Кто же это? — сказал Пётр Иванович. — Не белка и не бурундук.

— Не знаю, — сказал Лёша. — На соболя не похож, на куницу тоже. Я такого, пожалуй, не видал.

Серая ночь ещё просветлела. Костёр утих, и Лёша поднялся, подбросил в него сухину.

— Зря ты его шуганул, — сказал мне Пётр Иванович. — Он теперь не вернётся.

Мы смотрели на вершину ёлки. Ни одна ветка не шевелилась. Длинные искры от костра летели к вершине и гасли в светлом сером небе.

Вдруг с вершины сорвался какой-то тёмный комок и раскрылся в воздухе, сделавшись угловатым, четырёхугольным. Перечеркнув небо, он перелетел с ёлки на ёлку, зацепив месяц краешком хвоста.

Тут мы сразу поняли, кто это такой. Это был летяга, зверёк, которого не увидишь днём: он прячется в дуплах, а ночью перелетает над тайгой.

Крылья у него меховые — перепонки между передними и задними лапами.

Летяга сидел на той самой ёлке, что росла надо мной. Вот сверху посыпалась какая-то шелуха, кусочки коры — летяга спулся вниз. Он то выглядывал из-за дерева, то прятался, будто хотел подкрасться незаметно.

Вдруг он выглянул совсем рядом со мной, на расстоянии вытянутой руки. Глаза его, тёмные, расширенные, уставились на меня.

— Хотите, схвачу?

От звука голоса дрожь ударила летягу. Он свистнул и спрятался за ёлку, но тут же высунулся.

«Схватит или нет?» — думал, видно, летяга. Он сидел, сжавшись в комок, и поглядывал на костёр. Костёр шевелился и потрескивал. Летяга соскочил на землю и тут заметил большое тёмное дупло. Это был сапог Петра Ивановича, лежащий на земле. Удивлённо свистнув, летяга нырнул в голенище. В то же мгновение я кинулся схватить сапог, но летяга выскочил и побежал, побежал по вытянутой руке, по плечу и — прыгнул на пенёк. Но это был не пенёк. Это было колено Петра Ивановича с крупной круглой чашкой. С ужасом заглянув в пылающие очки, летяга закашлял, перепрыгнул на ёлку и быстро вскарабкался наверх. Пётр Иванович изумлённо ощупывал своё колено. — Лёгонький какой, — хриловато сказал он. Перелетев на другую ёлку, летяга снова спустился вниз. Видно, притягивал его затухавший огонь костра, манил, как лампа летним вечером манит мотылька. На меня напал сон. Вернее, не сон — волчья дрёма. Я то закрывал глаза и проваливался куда-то под еловый корень, то открывал их и видел тогда бороду лишайника, свисающую с веток, а за нею совсем посветлевшее небо и в нём летягу, перелетающего с вершины на вершину. С первыми лучами солнца летяга исчез. Утром, за чаем, я всё приставал к Петру Ивановичу, просил подарить мне сапог, в котором побывал летяга. А Лёша сказал, допивая вторую кружку чаю: — Не Козьма ли да Демьян к нам его подослали?

ЛИСТОБОЙ

Ночью задул листобой — холодный октябрьский ветер. Он пришёл с севера, из тундры, уже прихваченной льдом, с берегов Печоры.

Листобой завывал в печной трубе, шевелил на крыше осиновую щепу, бил, трепал деревья, и слышно было, как покорно шелестели они, сбрасывая листья.

Раскрытая форточка билась о раму, скрипела ржавыми петлями. С порывами ветра в комнату летели листья берёзы, растущей под окном.

К утру берёза эта была уже раскрыта настежь. Сквозь ветки её текли и текли холодные струи листобая, чётко обозначенные в сером небе битым порхающим листом.

Паутина, растянутая в ёлочках строгим пауком-крестовиком, была полна берёзовых листьев. Сам хозяин её уже скрылся куда-то, а она всё набухала листьями, провисая, как сеть, полная лещей.

СТАРАЯ ЯБЛОНЯ

Целый день сидит у дороги бабка, яблоками торгует. Мчатся мимо яблок машины, мотоциклы, режут трактора. Иной раз остановится машина, купит яблок и дальше гудит.

Вот едет грузовик. Этот яблок не купит, некогда ему. Автобус бы купил, да у него остановка за три километра. А это «Запорожец», если и купит, так полкило.

Я остановился, купил полведра.

— А ты ведь, радатель, и на ведро тянешь, — сказала бабка.

Сидит бабка у дороги, а за спиной у неё рябина, а за забором яблоня старая стоит, на ней яблоки зреют, на землю падают.

Целый день работают они. Бабка торгует, яблоня яблоки рождает. Так и живут.

ШЕНЬ-ШЕНЬ-ШЕНЬ

А кто знает, как надо подманивать лошадей?

Ну, котят да цыплят подманивать все умеют.

Гусей надо так:

— Тега-тега-тега...

Оленей:

— Мяк-мяк-мяк...

Овец, слышал я, одна тётя подманивает так:

— Басёнки, басёнки, басёнки...

А лошадей, Витя Белов сказал мне, надо подманивать:

— Шень-шень-шень...

И вправду, какое хорошее слово, вполне лошадиное. Лошади должны его понимать, точно.

Вот я научился новому слову и пошёл по деревне лошадей искать.

Взял, конечно, хлеба чёрного кусок, посолил его, в карман сунул. Соль, конечно, в карман немного просыпалась, да это не беда.

У меня в этом кармане много чего побывало.

Вот хожу, лошадей ищу.

Да что-то не видать лошадей.

Бригадир навстречу на велосипеде скачет, кричит:

— Не видал лошадей?

А я ему отвечаю:

— Шень-шень-шень...

— Ты что, спятил? — бригадир говорит. — Лошади ограду поломали, в чисто поле ушли.

Ускакал бригадир в чисто поле, ищет в бинокль лошадей.

А я подошёл к реке, к тому месту, где разрослись тополя-осокоря, и говорю негромко:

— Шень-шень-шень.

И тут вышли из зарослей три белых коня, глядят на меня в глаза, всё понимают.

Вот тебе и «шень-шень-шень»! Хлеба-то у меня всего один кусок.

ЛЕТНИЙ КОТ

Тут на днях встретил я Летнего Кота.

Рыжий и жаркий, вобравший в себя солнечный зной, лениво развалился он в траве, еле шевелил усами. Заслышав мои шаги, он поднял голову и строго поглядел: дескать, проходи, проходи, не заслоняй солнце.

Целый день валялся Кот на солнце. То правый бок подставит солнцу, то левый, то хвост, то усы.

Начался закат и кончился. Наступила ночь, но долго ещё что-то светилось в саду. Это светился летний солнечный Кот-подсолнух.

НОЧНЫЕ НАЛИМЫ

С первыми холодами в Оке стал брать налим.

Летом налим ленился плавать в тёплой воде, лежал под корягами и корнями в омутах и затоках, прятался в норах, заросших слизью.

Поздно вечером пошёл я проверить донки.

Толстый плащ из чёрной резины скрипел на плечах, сухие ракушки-перловицы, усеявшие окский песчаный берег, трещали под сапогами.

Темнота всегда настораживает. Я шёл привычной дорогой, а всё боялся сбиться и тревожно глядел по сторонам, разыскивая приметные кусты ивняка.

На берегу вдруг вспыхнул огонь и погас. Потом снова вспыхнул и погас. Этот огонь нагнал на меня тревогу. Чего он там вспыхивает и гаснет, почему не горит подольше?

Я догадался, что это деревенский ночной рыбак проверяет удочки и не хочет, видно, чтоб по вспышкам фонаря узнали его хорошее место.

— Эй! — крикнул я нарочно, чтоб попугать. — Много ли наловил налимов?

«Многолиналиовилналимов...» — отлетело эхо от того берега, что-то булькнуло в воде, и не было больше ни вспышки.

Я постоял немного, хотел ещё чего-нибудь крикнуть, но не решился и пошёл потихоньку к своему месту, стараясь не скрипеть плащом и перловицами.

Донки свои я разыскал с трудом, скользнул рукой в воду и не сразу нащупал леску в ледяной осенней воде.

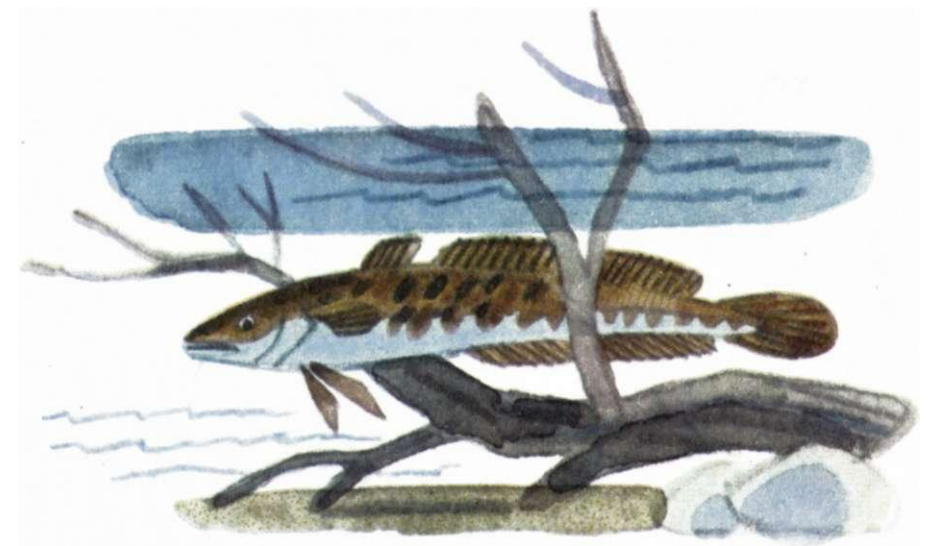
Леска пошла ко мне легко и свободно, но вдруг чуть-чуть напряглась, и неподалёку от берега возникла на воде тёмная воронка, в ней блеснуло белое рыбе брюхо.

Пресмыкаясь по песку, выполз из воды налим. Он не бился бешено и не трепетал. Он медленно и напряжённо изгибался в руке — ночная скользкая осенняя рыба. Я поднёс налима к глазам, пытаюсь разглядеть узоры на нём; тускло блеснул маленький, как божья коровка, налимий глаз.

На других донках тоже оказались налимы.

Вернувшись домой, я долго рассматривал налимов при свете керосиновой лампы. Их бока и плавники покрыты были тёмными узорами, похожими на полевые цветы.

Всю ночь налимы не могли уснуть и лениво шевелились в садке.

СНЕЖНЫЙ ВСАДНИК

Говорят, когда выпадает первый снег, — объявляется в лесах Снежный Всадник.

На белой лошади скачет он по заснеженным оврагам, по сосновым борам, по берёзовым рощам.

То там, за ёлками, то там, на просеке, мелькнёт Снежный Всадник, объявится перед людьми и мчится бесшумно дальше — по заснеженным оврагам, по сосновым борам, по берёзовым рощам. Никто не знает, зачем он появляется в лесу и куда путь держит.

— А с людьми-то он как, — спросил я Орехьевну, — разговаривает?

— Чего ему с нами разговаривать? О чём спрашивать? Он ведь только глянет на тебя и сразу всё поймёт. Он, как по книге, читает, что там у тебя в душе написано.

Давно уже прошёл сороковой день после первого снега. Наступила крепкая морозная зима.

Но вот как-то в заснеженном овраге увидел я, как промчался вдали Снежный Всадник.

— Постой! — крикнул я вдогонку.

Приостановился Всадник, мельком глянул на меня и тут же прищепил коня, поскакал дальше. Сразу прочёл, что у меня на душе. А на душе у меня ничего особенного не было, кроме тетеревов да зайцев. И валенок с галошами.

В другой раз в середине зимы встретил я Всадника. Свистнул — и приостановился Снежный Всадник, обернулся и сразу прочёл, что у меня на душе. А на душе у меня опять ничего особенного не было. Кроме, конечно, горячего чаю с мёдом.

Всё суровей, глубже становилась зима. Снега всё падали и падали на землю. Замело, занесло снегами леса и деревни.

В самую глухую зимнюю пору встретился мне Всадник в третий раз.

Неторопливо, шагом ехал он по просеке, по берёзовой роще мне навстречу. Увидел меня, остановился.

Хотел я его спросить, долго ли до весны, да постеснялся.

Внимательно и терпеливо смотрел на меня Снежный Всадник, читал мою душу от конца до начала.

А что же там, у меня на душе-то?

П Р О Р У Б Ъ

Как только встал на реке крепкий лёд, я прорубил в нём пешнёю прорубь.

Круглое окно получилось во льду, а через окно, сквозь лёд, выглядывала чёрная живая вода.

Я ходил к проруби за водой — чай кипятить, баню топить — и следил, чтоб не зарастала прорубь, расколачивал ледок, выросший за ночь, открывал живую речную воду.

Соседка наша, Ксения, часто ходила к проруби бельё полоскать, а Орехьевна ругалась на неё через стекло:

— Ну кто так полощет?! Тыр-пыр — и в таз! Нет, не умеют нынешние бабы бельё полоскать. Ты положи подольше, не торопись. К телевизору-то поспеешь! Вот я, бывало, раньше полоскала. Личико у меня от мороза — красное, руки — синие, а уж бельё-то — беленькое. А теперь все к телевизору торопятся. Тыр-пыр — и в таз!

Как-то раз пошла вместе с Ксеньей на речку дочка её маленькая, Наташка.

Пока мать полоскала, Наташка стояла в сторонке, а к проруби подходить боялась.

— Подойди, не бойся, — говорила мать.

— Не... не пойду... там кто-то есть.

— Да нету никого... кто тут есть?

— Не знаю кто. А только вдруг выскочит да и утащит под лёд.

Отполоскали соседки свои простыни и рубашки, пошли домой, а Наташка всё оглядывалась на прорубь: не вылезет ли кто?

Я подошёл к проруби поглядеть, чего она там боялась, не сидит ли и вправду кто-нибудь подо льдом.

Заглянул в чёрную воду и увидел в воде два тусклых зелёных глаза.

Щука придонная подошла к проруби подышать зимним, звонким, свободным воздухом.

ЗАЯЧЬИ ТРОПЫ

Да что это такое! Куда ни пойдёшь — всюду заячьи следы.

А в саду не то что следы — настоящие тропы натоптали беляки между груш и яблонь.

Стал я считать по следам, сколько зайцев приходило ночью в сад.

Получилось одиннадцать.

Обидно мне стало — всю ночь спал как убитый, а зайцы мне и не снились.

Надел я валенки и пошёл в лес.

А в лесу заячьи тропы превратились в дороги, прямо какое-то заячье шоссе. Видно, ночью беляки да русаки табунами тут ходили, в темноте лбами сталкивались.

А сейчас ни одного не видно — снег, следы, солнце.

Наконец заметил я одного беляка. Он спал в корнях поваленной осины, выставив из-под снега чёрное ухо.

Я подошёл поближе и говорю тихонько:

— Эй, вы!

Ухо чёрное высунулось ещё немного, а за ним и другое ухо — белое.

Это другое ухо — белое — слушало спокойно, а вот чёрное всё время шевелилось, недоверчиво склоняясь в разные стороны. Как видно, оно было главней.

Я шмыгнул носом — и ухо чёрное подпрыгнуло, и весь заяц вышел из-под снега.

Не глядя на меня, он боком-боком побежал в сторону, и только ухо чёрное беспокойно оглядывалось — что я там делаю? Спокойно ли стою? Или бегу следом?

Всё быстрее бежал заяц и уже нёсся стремглав, перепрыгивая сугробы.

Ухо его чёрное замелькало среди берёзовых стволов.

А я смеялся, глядя, как мелькает оно, хотя уже и не мог разобрать — ухо это заячье или чёрная полоска на берёзе.

ТУЧКА И ГАЛКИ

В деревне Тараканово живёт лошадь Тучка, рыжая, как огонь. Её любят галки.

На других лошадей галки внимания не обращают, а как увидят Тучку, сразу садятся к ней на спину и начинают выщипывать шерсть.

— У неё шерсть тёплая, как у верблюда, — говорит возчик Агафон. — Из той бы шерсти носки связать.

Прыгают галки по широкой спине, а Тучка посапывает, ей приятно, как щиплются галки. Шерсть-то сама лезет, то и дело приходится чесаться об забор. Набрав полный клюв тепла, галки летят под крышу, в гнездо.

Тучка лошадь мирная. Она никогда не брыкается.

Возчик Агафон тоже добрый человек. Задумчиво смотрит на лошадиный хвост. Если б какая-нибудь галка села ему на голову, он небось и глазом бы не моргнул.

СОДЕРЖАНИЕ

ВОРОБЬИНОЕ ОЗЕРО*	7
ХРЮКАЛКА	9
ДИК И ЧЕРНИКА	11
ЗВЁЗДНЫЙ ЯЗЬ	13
ЧАГА	15
СОСЕДСТВО	17
ТУЗИК	19
МОРОШКА	21
ФАРФОРОВЫЕ КОЛОКОЛЬЧИКИ	23
ПАНТЕЛЕЕВЫ ЛЕПЕШКИ	25
ЧИБИС	27
ЗИМНЯК	29
ТРИ СОЙКИ	31
РАЗ, ДВА, ЛОШАДЬ, ЧЕТЫРЕ	33
БЕЛОЕ И ЖЕЛТОЕ	35
ВИСЯЧИЙ МОСТИК	37
МЕДВЕДИЦА-КАЯ	39

ГРАЧ	41
ЛОШАДКА ЗАДУМАЛАСЬ	43
МУРАВЬИНЫЙ ЦАРЬ	45
НОЧЬЮ	46
ОРДЕНСКИЕ ЛЕНТЫ	49
ОЗЕРО КИЁВО	51
ЗАЯЧИЙ БУКЕТ	53
СНЕГИРИ И КОТЫ	55
СЕРАЯ НОЧЬ	57
ЛИСТОБОЙ	63
СТАРАЯ ЯБЛОНЯ	63
ШЕНЬ ШЕНЬ-ШЕНЬ	65
ЛЕТНИЙ КОТ	67
НОЧНЫ Е НАЛИМЫ	67
СНЕЖНЫЙ ВСАДНИК	71
ПРОРУБЬ	73
ЗАЯЧЬИ ТРОПЫ	75
ТУЧКА И ГАЛКИ	77

